

ГЕОРГИЙ БОГАЧ

БЕГСТВО

ИЗ ПСИХУШКИ

Издательство
«Геликон Плюс»

Георгий Богач

Бегство из психушки

«Геликон Плюс»

2015

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

Богач Г.

Бегство из психушки / Г. Богач — «Геликон Плюс», 2015

После окончания Санкт-Петербургской педиатрической академии Софья Николаевна Валко поехала работать в Добываловскую психиатрическую больницу, затерянную в новгородских лесах. Среди пациентов второй палаты, которых она лечит, еще с советских времен остались двое больных с вялотекущей шизофренией. Такой диагноз обычно ставили диссидентам. Психика этих больных – поэта и художника – была расшатана предыдущим «лечением» и запретом творчества. Софья стала восстанавливать их психику гештальт-терапией, которой увлеклась еще со студенческих лет, и творчеством – арт-терапией, для чего принесла им краски, бумагу, ДВП, пастель, карандаши, ручки. Московский академик с мировым именем, приехавший в добываловскую психушку, осматривает находящихся в ней больных и случайно сталкивается с художником, которому в советское время поставил диагноз «вялотекущая шизофрения», равносильный приговору. По заданию академика этого «больного» пытаются ликвидировать, потому что он слишком много знает. Софья Валко помогает художнику бежать. Они полюбили друг друга, но жизненные обстоятельства их разлучают – художник вынужден улететь в Америку. После нескольких лет разлуки они встречаются вновь, попадают в криминальные и драматические ситуации, и художник узнает от Софьи то, о чем и не подозревал.

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

© Богач Г., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Часть 1. Добываловская психушка	7
Глава 1. Молодой специалист	7
Глава 2. Седьмое отделение	10
Глава 3. Человек со страницы учебника	13
Глава 4. Побег	23
Глава 5. Пустующий дом	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Богач

Бегство из психушки

© Богач Г., текст, 2015

© Геликон Плюс, оформление, 2015

Часть 1. Добываловская психушка

Глава 1. Молодой специалист

От вокзала до Добываловской психиатрической больницы Софья доехала на автобусе. Больница располагалась среди леса на берегу озера. В тридцатых годах прошлого века большевики основали ее на месте женского монастыря. Через дорогу виднелось старинное кладбище с покосившимися каменными надгробиями, на которых мужские фамилии заканчивались буквой «ъ». Сбоку от кладбища стояла полуразрушенная церковь, зияющая провалами окон, прикрытыми бурьяном и кустами, проросшими между темно-красным кирпичом.

Штукатурка на корпусах больницы местами облупилась, а их просевшие крыши были залатаны кусками шифера и жести. Дорожки между корпусами заросли травой и превратились в тропинки. Рядом с больницей стояли три или четыре пятиэтажные хрущевки, в которых жил персонал. У дороги врос в землю обрызганный машинами магазинчик с вывеской «Продукты» и подслеповатыми окнами с ржавыми решетками. Двое алкашей, пьющих за магазинчиком пиво из бутылок, безучастно повернули свои оплывшие лица в сторону приехавшего автобуса.

Главный врач больницы Николай Павлович Соколов пролистал протянутые Софьей документы.

– Значит, вы – Софья Николаевна Валко. Окончили Санкт-Петербургскую педиатрическую академию в 2001 году. Педиатрический институт уже стал академией?

– С 1994 года.

– А я и не знал.

Николай Павлович поднялся. Ему было лет пятьдесят, он был высок и подтянут. Белый халат был надет на серый костюм с галстуком. Волосы с проседью окружали гладко выбритое лицо с правильными чертами, серые глаза смотрели доброжелательно.

– Решили поработать на периферии? Похвально. Пройдете у нас интернатуру, наберетесь опыта. Только помните, что между болезнями, описанными в учебниках, и реальными больными дистанция огромного размера, – он внимательно посмотрел на Софью. – А вы красивая. Замужем?

– Нет.

– И как же это вам, педиатру, захотелось идти во взрослую медицину, да еще и в психиатрию?

– Психиатрией я увлеклась на пятом курсе института, ходила в СНО.

– СНО – это студенческое научное общество? Когда-то и я в нем бывал. А сюда из Питера уехали, потому что со своим женихом поссорились?

– Возможно, – Софья сжала красиво очерченные губы.

Николай Павлович отвел взгляд от Софьи, что-то написал на фирменном бланке с печатью и протянул ей.

– Это направление к сестре-хозяйке и к коменданту ведомственных квартир в ее же лице. У сестры-хозяйки получите халаты и постельное белье, на первом этаже прямо под моим кабинетом. Она вам покажет, где вы будете жить. Кажется, освободилась комната в пятнадцатой квартире. Завтра в девять часов утра жду вас здесь.

Сестра-хозяйка оказалась миловидной женщиной лет тридцати пяти. Ее звали Тамарой. Она внимательно посмотрела на Софью.

– Новенькая, значит. Замужем? Хотя чего я спрашиваю? И так видно, что незамужняя. Пойдемте, покажу вам квартиру, где будете жить. Ее еще и убрать не успели. В одной комнате жил доктор Ковалев, а во второй – врач помоложе, Прокофьев. Ковалева направили главвра-

чом в Выползовский дом психохроников, а Прокофьев уехал к себе, куда-то в Краснодарский край. Вот возьмите постельное белье и два халата, а я пойду вместе с вами, покажу квартиру и уберусь. Санитарки сейчас заняты.

Они направились к одной из хрущевок и поднялись на третий этаж. Тамара открыла ключом дверь, и они вошли в квартиру. В прихожей Софья едва не споткнулась о батарею пустых бутылок, которые, сталкиваясь, аппетитным цоканьем покатались по линолеуму.

– Осторожнее. Здесь холостые доктора жили. Вы пока сходите, погуляйте, а я тут порядок наведу.

– Идти мне некуда, а вдвоем мы быстрее управимся.

Софья переоделась в спортивный костюм, и они с Тамарой убрали квартиру.

Софья достала из сумки бутылку коньяка, бананы и апельсины.

– Тамара, давайте выпьем с вами за знакомство и за новоселье.

– Чего же не выпить?

Они расположились за столом в кухне. В настенном шкафчике нашлись рюмки и тарелки.

Когда они выпили по рюмке коньяка и закусили бананами, Тамара поднялась из-за стола.

– Пойду принесу поесть чего-нибудь существенней. Я тут рядом живу.

Она вернулась с эмалированной миской, в которой были накрыты тарелкой еще теплые домашние котлеты, вареная картошка, несколько кусков хлеба и соленые огурцы.

После второй рюмки Тамара спросила:

– Надолго к нам приехали?

– Еще не знаю.

– Скучно вам здесь будет. Все доктора у нас женаты. Свободных кавалеров тоже нет, не считая нескольких опойков. Вот только Николай Павлович живет один. К нему несколько раз жена из Москвы приезжала, но что-то у них не ладится. Для вас он староват, но наши бабенки поговаривают, что он еще мужчина хоть куда. Он у нас ловелас – крутит любовь с молодыми врачами, которые приезжают сюда работать. Покрутит он любовь с очередной пассией, а потом направляет ее в Москву на учебу, в эту, как ее, клиническую координатуру.

– Наверное, в клиническую ординатуру?

– А я так и говорю. Как только надоест ему очередная молодая докторша, так он ее на учебу в Москву и выпроваживает. Говорят, у него в Москве большие связи. Вы девушка – или дамочка, я уж не знаю – красивая, так что он к вам тоже начнет клинья подбивать, будьте спокойны. Месяц тому назад он спровадил в Москву на учебу свою очередную пассию, которая хотела его с женой развести, Татьяну Сергеевну Смирнову. Она была его заместителем по экспертизе. Между нами, бабами, говоря, стерва, каких свет не видывал. Мы ее называли «очковая змея». Она в очках ходила. Кроме Николая Павловича она одновременно крутила любовь с Владимиром Ивановичем Шабуновым, главврачом пролетарской больницы, что в двадцати километрах отсюда, и с Вадимом Леонидовичем Недзелевичем, стоматологом, приезжающим к нам два раза в неделю из добываловской больницы. Бывало, запрется она с кем-нибудь из них у себя в кабинете, а потом выходит в коридор с сигаретой в зубах покурить. Она хотела еще и нашего консультанта по ЛОР к себе в постель затащить, но тот не поддался, хоть и холостяком тогда был. Шабунов из-за нее чуть не застрелил Недзелевича из охотничьего ружья. Попал, правда, только в уличный фонарь во дворе нашей больницы. Потом он от тоски заболел и умер. Вот так-то. Любовь до добра не доводит.

Тамара разлила остатки коньяка по рюмкам, и они выпили.

– Вы, Тамара, я смотрю, женщина симпатичная. Как же это Николай Павлович мимо вас прошел? – спросила Софья.

– А разве я говорила, что он мимо меня прошел? Когда пятнадцать лет тому назад он приехал сюда из Москвы работать главным врачом, мне было двадцать лет. Я собиралась выходить замуж за одного парня, который только из армии пришел. Но Николай Павлович положил

на меня глаз, стал приглашать в свой кабинет на кофе, даже в любви мне признался. Я говорит, понимаю, что в тридцать пять лет нельзя рассчитывать на любовь молоденькой девушки, но ничего с собой поделать не могу: вы постоянно стоите у меня перед глазами, где бы я ни был и куда бы я ни смотрел. Если у вас проснется хоть какой-то намек на симпатию ко мне, то приходите в мой кабинет завтра после шести вечера. Я, молодая дурочка, пришла в кабинет к Николаю Павловичу, а он налетел на меня как коршун и уложил на кушетке прямо в своем кабинете. Наша любовь продлилась три месяца. Я была беременна. К Соколову приехала жена с сыном. Целую ночь он уговаривал меня выйти замуж за парня, которого я бросила, чтобы у ребенка был отец. Я вышла замуж за Витьку и родила сына. Но с Витькой мы все равно расстались, потому что он стал сильно пить и меня поколачивать. Ему сказали, что мой сын не от него.

В темных глазах Тамары появилась грусть.

– Тамара, а для чего вы все это рассказываете мне, человеку, с которым едва знакомы?

– Для чего? Для того, чтобы вы не вляпались в то же, что и я. Если Николаю Павловичу какая женщина понравится, то он ее все равно добьется. А вы ему понравитесь. Он вам тоже может жизнь подпортить.

– Тем, что начнет ухаживать? Новый мужчина в жизни женщины только прибавляет ей опыта, иногда приятного. Так что ж в этом плохого?

– Ах вот как рассуждают современные женщины! И правильно! А я, дура, в любовь верила! Ну я пошла к себе. Если что надо – заходите.

Глава 2. Седьмое отделение

Утром Софья пришла в кабинет главврача в выглаженном халате и накрахмаленной шапочке. От нее исходил едва уловимый аромат французского парфюма.

– Вас, Софья Николаевна, хоть в кино снимай. Как устроились?

– Нормально. Пятнадцатая квартира оказалась свободной.

– Вот и хорошо. Работать будете на седьмом отделении. Двух врачей оттуда я перевел на второе отделение, один уволился, а завотделением Фильчаков стал начмедом – моим заместителем по лечебной части. Так что будете работать в отделении пока одна. Вашим куратором по интернатуре буду я. Я кандидат медицинских наук, имею высшую врачебную категорию, так что смогу вас кое-чему обучить. Привыкайте к самостоятельности, но если потребуется моя помощь, то я всегда к вашим услугам. Всегда рад помочь молодому врачу. Пойдемте, покажу вам седьмое отделение.

Через двор они пошли к корпусу, расположенному у самого леса. Когда Софья споткнулась о камень, Николай Павлович поддержал ее под руку и не отпускал, пока они не дошли до ступенек. Его ладонь была горячая. Николай Павлович цепко посмотрел на Софью, открыл ключом окованную железом дверь, и они вошли в коридор, тускло освещенный рядом зарешеченных лампочек на облупившемся потолке. Дохнуло больничными щами и хлоркой.

– А вот и седьмое отделение. При советской власти здесь лечили больных, страдающих вялотекущей шизофренией, в основном – московских диссидентов. Существовало даже мнение, что диссидентство уже само по себе – признак шизофрении. Вялотекущая шизофрения подобна мине замедленного действия – неизвестно, когда и как она проявится. И если врач ставил такой диагноз, то снять его было уже невозможно, потому что болезнь могла проявляться раз в несколько лет или «затихнуть» на десятилетия. В этом отделении осталось только двое больных с вялотекущей шизофренией, остальные выписаны и уехали в Москву. Кроме этих двух здесь еще лежат обыкновенные психи и маньяки. После ремонта это отделение мы перепрофилируем в наркологическое.

– А почему двое больных с вялотекущей шизофренией еще не выписаны? Этот диагноз уже нигде не признают.

– Тут дело не в диагнозе. Во второй палате лежат люди творческие. Кошкаров – художник, а Вородкин – поэт. Но если у поэта или художника нет признания и успеха, то у него появляются рассуждения типа: «Меня не понимают, до меня публика еще не доросла, я буду творить для себя и для будущего. Меня поймут потомки». Такие рассуждения приводят к психозам, психопатиям, неврозам и социальной запущенности. Это и есть букет диагнозов Кошкарова и Вородкина. Они находятся на грани между нормой и болезнью. Определить эту грань невозможно, потому что она постоянно смещается то в одну, то в другую сторону. Так что, Софья Николаевна, за месяц-другой вам надо привести их в порядок и подготовить к выписке. Пусть творят у себя Москве и там добиваются признания. А остальных больных постепенно переведете в другие отделения.

– Чем же я буду приводить в порядок поэта и художника?

– Для начала – общеукрепляющие процедуры, витамины, трудотерапия, мягкие снотворные на ночь, потом сами подберете им необходимое лечение, но обсудите его со мной. Вам поможет медсестра Седова. Она всю жизнь проработала в нашей больнице. А сейчас зайдите в палату к Вородкину и Кошкарову, познакомьтесь с ними. Только ведите себя естественно, иначе они сразу ощутят фальшь. Как и все творческие люди, они чувствительны к любому слову, взгляду и даже вздоху. Смелее! Я жду вас здесь, – Николай Павлович ободряюще улыбнулся.

Софья Николаевна открыла ключом дверь с табличкой «Палата № 2» и вошла в помещение, освещенное зарешеченным окном. Сквозь окно была видна только облупившаяся стена соседнего здания.

– Здравствуйте!

Небритый и коротко постриженный человек, сидящий на табуретке, прикрученной к полу, молча на нее посмотрел. Взгляд его был кричащим. Казалось, смотрит побитая собака. Софья ощутила в себе всплеск жалости. Второй человек осторожно подошел к ней, заглянул в глаза, долго в них что-то искал, обошел ее вокруг и застенчиво ответил:

– Здравствуйте. Вы доктор?

– Да, я ваш новый лечащий врач. Софья Николаевна Валко.

– Такая молоденькая? Я поэт Алексей Воронкин. А это – художник Антон Кошкарлов. Не выписывайте нас. Нам надо еще побыть здесь. У нас появился интереснейший творческий замысел. Чтобы его осуществить, необходимы уединение и покой. Антон напишет серию полотен, отражающих прошлое, настоящее и будущее человечества, а я напишу к ним цикл баллад. Понимаете? Эх, нам бы еще композитора, но здесь его не найти! В балладе есть ширь, глубина и размеренность повествования. Бардовская песня – это всего лишь жалкое подобие баллады, испорченной коммуналками, в которых барды собирали винегрет из обрывков мыслей, чувств, похоти, блатной фени и пьяной ругани. Надо возвращаться к родниковым истокам поэзии – к балладам. Для художника главное – выбрать правильный ракурс, а для эпически мыслящего поэта главное – начать описание с нужных слов. Первой же строчкой наши баллады должны поднять слушателя вверх и оторвать его от грешной земли. Слова зацепятся друг за друга, строки найдут рифмы, рифмы найдут новые слова. Смысл написанного захватит все новые и новые понятия, подобно тому как огонь поглощает пространство, ничего не оставляя на своем пути, – поэт заговорщицки улыбнулся, показав гнилые зубы и полупустой рот, подмигнул, застенчиво опустил глаза, отошел и стыдливо отвернулся, хрустя пальцами.

– Вас я, кажется, поняла. А как ваши дела? – спросила Софья Николаевна, обращаясь ко второму человеку. Он показался ей намного моложе поэта.

Художник смотрел на нее молча. В его темных глазах была мука.

– У Антона отобрали краски, кисти и ДВП. Ему нечем и не на чем писать, – сказал за художника поэт.

– Кто отобрал?

Поэт наклонился к Софье и тихо прошептал ей на ухо:

– Сам Фильчаков. Это страшный человек. Принесите, пожалуйста, Антону краски, кисти и ДВП. Без них он пропадет.

– Я постараюсь, – сказала Софья, вышла из палаты и закрыла за собой дверь на ключ.

В коридоре у зарешеченного окна ее ждал Соколов.

– Ну, как прошло ваше первое знакомство с больными второй палаты?

– Правда, что у художника Кошкарлова отобрали краски, кисти и это... как его... кажется, ДВП?

– ДВП – это древесноволокнистая плита. Художники пишут на ней маслом не хуже, чем на холсте. Она покрыта полотном, ее не нужно натягивать на раму, и из нее можно вырезать прямоугольники под картины любого размера. Но, по мнению Анатолия Ивановича Фильчакова, творчество может вызвать у Кошкарлова обострение вялотекущей шизофрении. Чтобы предотвратить обострение болезни, Фильчаков отобрал у Кошкарлова карандаши, бумагу, краски и ДВП. Я не мог этому воспрепятствовать, потому что вялотекущая шизофрения еще не исключена из перечня психических заболеваний. К тому же Фильчаков был лечащим врачом Кошкарлова и сам решал, как его лечить.

– При советской власти диагнозом «вялотекущая шизофрения» прикрывали репрессии инакомыслящих людей. А у Кошкарлова сейчас обыкновенный психологический срыв, связан-

ный с запретом творчества. Незаконченное или прерванное действие приводит к неврозу и депрессии. Я считаю, что карандаши, бумагу, краски и ДВП Кошкарону надо вернуть.

– Ладно, ладно, дайте Кошкарону все, что посчитаете нужным. Возможно, творчество его успокоит. В ваших рассуждениях чувствуется влияние школы Фрейда. Я же принадлежу к московской школе психиатрии и придерживаюсь ее воззрений. Именно в ней под руководством академика Нежкова разрабатывались критерии малопрогрессирующей, или вялотекущей, шизофрении. Он считает, что людей, страдающих этим заболеванием надо постоянно держать под наблюдением и контролем, чтобы общество было защищено от них. О психических заболеваниях и их лечении мы с вами поговорим позже. Завтра вечером, надеюсь, вы свободны? Вот и поговорим о психиатрии у меня дома за чаем или рюмкой коньяка. А сейчас, Софья Николаевна, пойдёмте в ординаторскую седьмого отделения. Теперь она будет вашим кабинетом.

Николай Павлович открыл ключом дверь, на которой висела табличка «Ординаторская». По периметру комнаты стояло четыре письменных стола.

– Здесь работали три врача и заведующий отделением Анатолий Иванович Фильчаков. Располагайтесь вот за этим столом. В его ящиках лежат истории болезни тех, кто остался на седьмом отделении. Ознакомьтесь с ними.

Софья присела за стол, выдвинула ящик, достала из него истории болезни и стала листать одну из них. Она была заполнена. в 1984 году и первичный осмотр был подписан врачом Фильчаковым.

– Николай Павлович, на истории болезни стоит штамп «Отдельная закрытая психиатрическая больница № 17 “Д”». Что это значит?

– Это старое название. Не обращайтесь на него внимания.

Глава 3. Человек со страницы учебника

Короткий звонок в дверь разбудил Софью. Николай Павлович спал. Второй, более настойчивый звонок разбудил и его.

– Коля, звонят, иди открой дверь.

Николай Павлович поднялся, набросил на себя махровый халат и пошел в прихожую. Послышалось клацанье открываемого замка и восклицание:

– Вы?!

– Не ожидал? Чего в дверях меня держишь?

– Да-да, проходите.

– Вот приехал к тебе, Николай, без предупреждения, потому что мои телефоны прослушиваются – и домашний, и рабочие. Гребаные правозащитники натравили на мой институт следователя прокуратуры из младодемократов. Этот молокосос роется в наших архивах, как у себя дома, ищет истории болезни «узников совести», звездочки на погоны зарабатывает. Меня, конечно же, свои люди заранее о нем предупредили, но мы не успели привести в порядок истории болезней пациентов группы «Д». За последние годы многие врачи уже поувольнялись из моего института, а кое-кто из тех, кто остался, был бы рад подставить меня и закопать поглубже. А так как твоя больница – лечебная база моего института, то и в твоих архивах не сегодня-завтра тоже начнут рыться. Надо к этому подготовиться. Я приехал один, потому что никому из своих сотрудников уже не доверяю. А вот тебе я доверяю, несмотря на твои выкрутасы с бабами и фондом заработной платы, – голос замолчал. – А что это за женская одежда висит у тебя на вешалке? Ты не один?

– Да так... Мы тут с врачом-интерном допоздна обсуждали тактику лечения больных шизофренией. Не мог же я на ночь глядя выпроводить ее из дому. Вот она и осталась у меня ночевать. Может же ученик переночевать в доме своего учителя! По-моему, это вполне естественно. Помню, у вас я тоже не раз оставался на ночлег, чтобы через всю Москву не добираться до общаги.

– Понимаю, понимаю, Коленька. Седина в голову, а бес – в ребро. Эх, Коля, Коля, и когда ты, наконец остепенишься? Ну ладно, другим ты уже не станешь. Нам с тобой надо плотно поговорить, так что отпусти свою ученицу на денек домой.

– Давайте, Владимир Андреевич, для начала позавтракаем, попьем чаю, а потом Софья Николаевна пойдет в больницу на дежурство. Она сегодня дежурит.

– Ты доверяешь интернам самостоятельное дежурство по больнице?

– Нет, что вы! Ответственный дежурный сегодня – доктор Фильчаков, а она будет ему помогать и набираться опыта.

– Вот это правильно! Кстати, хорошего чайку я бы с удовольствием выпил. Кофе я не пью из-за давления, а вот крепкий чай меня бодрит.

Николай Павлович пошел в спальню. Софья сделала вид, что спит.

– Сонечка, поднимайся. Ко мне гость из Москвы приехал. Мой учитель. Познакомишься со знаменитым ученым.

– Я бы еще поспала. Ты же мне всю ночь спать не давал, – Софья капризно надула губки, что делало ее неотразимой.

– Вставай, Соня, не будь соней.

Софья нехотя поднялась с постели и потянулась за халатом. Николай Павлович залюбовался ее фигурой и обнял.

– Хоть в ванную ты меня отпустишь?

– Придется отпустить. А я пока чаю заварю и яичницу пожарю.

После ванной Софья переделалась и вышла на кухню. Стол уже был накрыт Николаем Павловичем, привыкшим к холостяцкой жизни.

За столом сидел человек со знакомым лицом. Софья вспомнила, что видела его портрет в учебнике психиатрии наряду с портретами великих психиатров. Это был Владимир Андреевич Нежков.

– Знакомьтесь, Владимир Андреевич, это врач-интерн Софья Николаевна Валко. А это академик Владимир Андреевич Нежков, директор Института психоневрологии, лауреат Государственной премии...

– Не пугай девушку моими регалиями. Я просто Владимир Андреевич. Какие красавицы у тебя работают, Николай! Позавидуешь! Даже у нас в Москве таких нет.

– А я вас сразу узнала по портрету в учебнике психиатрии.

– Надеюсь, через какое-то время вас тоже будут узнавать по портретам в учебниках. Нам, старикам, нужна достойная замена, – Владимир Андреевич улыбнулся. Впалые щеки, тонкие губы и обтянутые дубленой кожей скулы делали его улыбку похожей на оскал черепа. Это впечатление усилили очки без дужек, напоминающие провалы глазниц.

– Софья Николаевна, присаживайтесь, пожалуйста, за стол, будем завтракать, – сказал Николай Павлович.

– Чем сегодня интересуются молодые психиатры? – спросил Нежков, с интересом глядя на Софью.

– Я, например, с пятого курса увлекаюсь гештальт-терапией.

– Это разновидность психоанализа? К сожалению, сейчас я так занят работой над пяти-томным руководством по психиатрии, что ни на что другое времени уже не остается. Просветите уж меня, профана, в этой самой гештальт-терапии.

– К девяти часам мне надо быть на дежурстве, так что вряд ли я успею вам хоть что-то о ней рассказать.

– Недостаток времени приучает нас к краткости изложения. Вот и попробуйте мне рассказать о гештальт-терапии минут за десять. Краткость – сестра таланта.

– Попробую. Гештальт – по-немецки – образ, фигура, форма. Гештальт – это целостный образ какой-либо ситуации. Базовые понятия гештальт-терапии – контакт и граница. Контакт – это взаимодействие наших потребностей с возможностями окружающего пространства. В окружающей среде мы находим пищу, воду, общение и все остальное, включая неприятности. Место, где мы встречаемся с окружающей средой и где происходит гештальт, называется границей контакта. Жизнь – это цепочка гештальтов. Хороших и плохих, тяжелых и легких, веселых и грустных, ожидаемых и случайных, желательных и нежелательных, завершенных и незавершенных. Все они накладывают отпечатки на нашу психику и либо укрепляют ее, либо разрушают, либо придают уверенности в себе, либо делают нас робкими, пугливыми и неуверенными. Вот сейчас мы завтракаем – это гештальт. Наш разговор с вами – это тоже гештальт. Цикл каждого гештальта состоит из потребности в чем-либо, поиска возможности удовлетворения этой потребности, ее удовлетворения и выхода из контакта. Например, мы хотим съесть яблоко. Мы ищем его глазами на столе, не обращая внимания на другие предметы, находим его, берем и едим. Съев яблоко, мы больше о нем не думаем. Нас начинает интересовать что-то другое. Мы начинаем искать и замечать то, что нас заинтересовало. Каждый гештальт должен быть завершен. Накопление незавершенных гештальтов формирует неврозы. Среди методик гештальт-терапии самые популярные – это работа с пустым стулом, с метафорами, со сновидениями, проигрывание ролей и ситуаций, арт-терапия. Арт-терапии я, например, придаю наибольшее значение в стабилизации психики человека, потому что она...

– На этот раз достаточно. Вы умеете кратко излагать свои мысли. Расскажите-ка мне лучше о работе с пустым стулом.

– Человек смотрит на пустой стул и представляет на нем, скажем, своего начальника, который утром отругал его за плохо сделанную работу. Но человек побоялся ответить начальнику в том же духе и гештальт остался незавершенным. И он отвечает воображаемому начальнику так, как хотел бы, и тем самым завершает гештальт.

– И как же он отвечает своему начальнику?

– Например, называет его козлом, дураком, сволочью, гадом и, не выбирая выражений, посылает в разные места. Так человек разгружает свою отягощенную психику.

Владимир Андреевич раскрыл щелеобразный рот, напоминая капкан, показал редкие зубы и долго смеялся. Потом он достал из кармана брюк клетчатый носовой платок и промокнул им выступившие слезы.

– Гештальт-терапия, говорите? Ха-ха-ха! Замечательно! Расскажу о ней на президиуме Академии наук. Пусть академики знают, что самое эффективное лечение – это обматерить своего начальника за глаза, так чтобы тот об этом и не знал. Я бы назвал этот метод не работой с пустым стулом, а фигой в кармане. Дешево и сердито. Очень демократично – тайком показать начальнику дулю в кармане вместо спора с ним. Не опоздайте на дежурство, милая Софья Николаевна. И мой вам совет – читайте классическую литературу по психиатрии – учебники и монографии, а послать кого-нибудь по матушке мы с вами еще успеем. Думаю, что дерьмократы заставят нас материться из последних сил, ибо ни на что другое их у нас уже не останется.

Софья вышла из дома и направилась в больницу.

В кабинете дежурного врача за столом сидел Анатолий Иванович Фильчаков и листал чью-то историю болезни.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович.

– Здравствуйте, Софья Николаевна, – Фильчаков автоматически посмотрел на часы.

– Я не опоздала?

– Нет-нет. Просто у меня такая привычка – все сверять по часам. Сейчас на дежурстве затишье – можете сходить на свое отделение. Говорят, вы восстанавливаете личности своих больных какими-то особыми установками.

– Это гештальт-терапия в сочетании с гипнозом и элементами психоанализа.

– И до нашей больницы докатились эти буржуазные изыски. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Демократия. А вы не заметили, Софья Николаевна, что наша демократия пахнет анархией? Каждый делает, что хочет и как хочет, никого об этом не спрашивая.

– Я не принюхивалась. С вашего разрешения я все-таки пойду к себе на отделение.

– Идите. Жду вас через полтора часа. Надеюсь, этого времени вам хватит для бесед с вашими больными, – уголки рта Фильчакова тронула саркастическая улыбка.

Анатолий Иванович посмотрел вслед Софье, потом его вытянутое лицо с тяжелым подбородком, узким лбом и длинным носом наклонилось над столом, и он что-то записал в блокнот, который достал из кармана. При этом глаза его многозначительно прищурились.

Софья пошла на седьмое отделение. На сестринском посту за столом сидела Галина Седова. Она, не шевелясь смотрела вперед, и ее лицо напоминало ритуальную маску, которую Софья когда-то видела в отделе сувениров в торговом центре на Петроградке. Увядавшие губы Седовой блестели ядовито-красной помадой, а дряблое лицо было подрумянено. Выцветшие, как старый ситец, голубые глаза смотрели бесстрастно.

– Как себя чувствуют наши больные?

– Ждут вас, Софья Николаевна. Особенно Кошкарров. Он вам приготовил какой-то особый сюрприз.

Софья открыла ключом дверь в палату номер два, вошла и захлопнула ее.

Алексей Вородкин и Антон Кошкарров сидели на кроватях, настороженно глядя на дверь. Увидев Софью, они обрадовались.

– Что случилось? – спросила Софья.

– Утром Фильчаков с санитарями обыскивали нашу палату.

– И что же они искали?

– Они искали ваш портрет, но не нашли его. Сказали, что придут попозже и все равно его найдут.

– Мой портрет?!

– Антоша нарисовал ваш портрет, – сказал Вородкин.

Антон снял с себя застиранную больничную куртку и вывернул ее наизнанку. На спинке куртки пастелью, которую Софья месяц тому назад принесла Кошкарову, был нарисован ее портрет.

– Неплохо, совсем неплохо. В вас, Антон, просыпается настоящий портретист. Подарите мне этот портрет, взамен я принесу вам новую куртку. А как об этом портрете узнал Фильчаков?

– Медсестра Седова доносит Фильчакову обо всем, что происходит в отделении, – быстро заговорил Вородкин. – Сестринский пост находится напротив нашей палаты, и мы слышим все, о чем Седова докладывает ему по телефону. И о том, что вы принесли Антону пастель и бумагу, а мне – ручки и тетради. И о том, что я стал писать эпиграммы, а Антон рисует портреты всех сотрудников больницы. Ваш портрет Фильчаков сегодня не нашел. Но он нашел шарж на себя, нарисованный Антоном и подписанный мной: «Славный доктор Фильчаков – первый среди говнюков». Фильчаков скомкал этот шарж, спрятал в карман и пообещал, что нас будут обыскивать ежедневно, – Вородкин робко улыбнулся: – «В целях укрепления дисциплины и порядка в психиатрической больнице, а не превращения ее в салон умалишенных карикатуристов».

– Вот как!

– А вы знаете, Софья Николаевна, что Седова уже несколько раз затаскивала Антона в дежурку? Она пытается уложить его к себе в постель, но Антон всегда от нее убегает. А когда она увидела ваш портрет, нарисованный Антоном, то поняла, что он в вас влюблен, и дико его приревновала. На глазах у Антона она порвала все портреты, нарисованные им на бумаге, и выбросила их обрывки в мусорное ведро. А он, дурачок, сказал, что у него есть еще один ваш портрет, но она его никогда не найдет. И тут она натравила на Антона Фильчакова, видимо рассказав ему о шарже. Ведь этот шарж она не порвала, а оставила, чтобы Фильчаков его увидел.

Софья вопросительно посмотрела на Кошкарова, но тот отвернулся к окну.

– Софья Николаевна, а почему вы советуете мне писать эпиграммы, а не лирические стихи? – спросил Вородкин.

– Эпиграммами вы кратко завершаете диалоги с теми, кто вас обидел. А чем более кратко и быстрее отвечаешь обидчику, тем быстрее восстанавливается психика.

– А зачем завершать диалоги с теми, с кем и говорить-то не хочется?

– Это принцип гештальт-терапии. Диалог должен быть завершен. Даже великие поэты чувствовали это и писали эпиграммы на своих недругов, которым не могли сказать в глаза все то, что о них думают. Взять хотя бы Пушкина и Лермонтова. Я еще приду к вам сегодня.

Выходя из палаты, Софья дверью сбила с ног Галину Седову, которая подслушивала, прижав ухо к замочной скважине. Седова упала на пол, показав рваные колготки на костлявых и бледных до синевы ногах.

– Извините, что помешала вам подслушивать, – тихо сказала Софья.

Седова поднялась с пола и стала поправлять на себе халат, исподлобья по-собачьи глядя на Софью. Ее глаза мстительно блестели бутылочными осколками.

Софья вернулась в кабинет ответственного дежурного по больнице. Фильчаков разговаривал по телефону.

– Снова позовите Ковбу и Мазура, и пусть они их скрутят. Потом обоим вколите по двойной дозе аминазина, чтобы они успокоились и не болтали лишнего! Слова о том, что их якобы обыскивали, я расцениваю как признак психомоторного возбуждения на фоне галлюцинозно-бредового синдрома! Я приду попозже и решу, чем бы еще успокоить эту взбесившуюся парочку, – Фильчаков положил трубку. – Ваши больные перевозбудились, Софья Николаевна, и мы будем их успокаивать. Я дежурный врач и отвечаю за порядок в больнице!

– Вы назначили моим больным инъекции аминазина?! В цивилизованных странах он уже запрещен!

– Мне не оставалось ничего другого, потому что применяемая вами так называемая гештальт-терапия только усилила и обострила их болезни. Вы принесли им краски, бумагу и ручки. Они начали рисовать и писать, что совершенно разбалансировало их психику и вывело ее из равновесия. У них начался бред. Им даже показалось, что их обыскивали. Это признаки мании преследования с галлюцинациями. Их психика прогрессивно разрушается. Гештальт-терапия ускоряет этот процесс.

– Вы не хуже меня знаете, что Кошкаров и Вородкин – вполне нормальные люди. У них адекватная реакция на сегодняшний обыск. Бумагу, краски, пастель и ручки я принесла им с разрешения Николая Павловича, чтобы творчество укрепило их личности.

– Мозг ваших больных, изнуренный вялотекущей шизофренией, дополнительно разрушается так называемым «творчеством», или, как вы говорите, «арт-терапией». Поэтому у них начались перевозбуждение и бред. Им введут аминазин для их же пользы. Ваша гештальт-терапия, или как там ее, нарушила у них баланс в структуре «Я» между социализированным и бессознательным «Я» в сторону преобладания супер-Эго. Это же азы психиатрии, которые вы обязаны знать как азбуку. Если надо, то вашим больным введут и сульфазин в четыре точки, чтобы обездвижить их, пока они не наделали глупостей. Ведь мания преследования чревата применением маньяками любых предметов, попавших к ним в руки, как оружия самозащиты от тех, кто, как им кажется, хочет на них напасть. В том числе и от вас. Берегитесь своих больных, а не заигрывайте с ними. Возможно, вы, как начинающий врач, и не знаете, как делаются уколы сульфазина. Тогда я вам расскажу. Сульфазин, или, как говорят бывалые психи, «серу», вводят под лопатки и в ягодицы. Блокируются движения рук и ног. Невыносимая боль и температура в сорок градусов, жар и жажда заставят их забыть о «творчестве». Это спасет от разрушения ядра их личностей. Я поручу сделать уколы сульфазина Александру Петровичу Изеринскому – фельдшеру с большим стажем. Если понадобится, то он сможет обездвижить даже медведя. Санитары Стас Мазур и Николай Ковба помогут ему утихомирить этих «творцов».

– Но лечащий врач я, и я решаю, как лечить вверенных мне больных.

– Как ответственный дежурный по больнице я отвечаю за всех больных, которые в ней находятся. И я решаю, в каком лечении они нуждаются во время моего дежурства. Сейчас я пойду в седьмое отделение, а вы останетесь здесь и будете меня ждать.

Фильчаков вышел из кабинета.

Софья набрала номер домашнего телефона Николая Павловича Соколова.

– Слушаю вас.

– Николай Павлович, – по телефону и в больнице она обращалась к Соколову на «вы». – Фильчаков назначил больным Кашкарову и Вородкину лошадиную дозу аминазина, не согласовав это со мной как лечащим врачом. Он же грозит назначить им инъекции серы в четыре точки. А все потому, что Кошкаров нарисовал на него шарж, а Вородкин подписал его эпиграммой.

– И что же это за эпиграмма?

Софья повторила двустихие Вородкина.

– Ох уж эти мне диссиденты. Они готовы воевать с кем угодно, за что угодно, где угодно и как угодно. побыстрее выпишите их отсюда, пусть пишут эпитаграммы у себя в Москве. Успокойтесь и ждите меня в кабинете дежурного врача.

– Хорошо.

Через пятнадцать минут в кабинет ответственного дежурного вошли Соколов и Нежков.

– Софья Николаевна, сам Владимир Андреевич Нежков любезно согласился проконсультировать ваших больных и решить вопрос об их выписке из больницы. Вы покажите ему своих больных, а я пока побуду здесь. Скажите Фильчакову, чтобы не предпринимал никаких действий и немедленно шел ко мне.

Софья повела Нежкова на седьмое отделение. Когда они вошли во вторую палату, то увидели, что санитар Ковба завернул Кошкарову руки за спину и коленом прижал его лицом к больничной койке. Санитар Мазур прижал лицом к койке Вородкина. Фельдшер Изеринский и медсестра Седова набирали в шприцы растворы.

– Что здесь происходит? – спросила Софья.

– Вам лучше отсюда уйти, Софья Николаевна. Мы тут сами справимся. Больные буйные, могут вырваться и напасть на вас, – сквозь зубы процедил Изеринский. Вены на его лбу вздулись, а глаза сладострастно мерцали в предчувствии расправы.

– А вот этот молодчик, – Седова показала лицом на Антона Кошкарова, – хотел меня изнасиловать.

– Изнасиловать? Вас?! – Софья оценивающе посмотрела на сплюсненную, как у лягушки, фигуру Седовой. – И как же это происходило?

– Софья Николаевна, когда вы выходили из этой палаты, то забыли закрыть за собой дверь на ключ. Антон тайком вышел вслед за вами, подождал, пока вы покинете отделение, схватил меня, потащил в дежурку и стал срывать с меня одежду. Я еле от него отбилась. А когда ему на подмогу прибежал Вородкин, я вызвала санитаров.

– Это неправда, – сказал Вородкин, – она сама затащила Антона к себе. Она давно пытается уложить Антона в свою койку. Об этом даже санитары знают. А сегодня я побежал в дежурку, чтобы помочь Антону и быть свидетелем того, что Галина Седова его домогалась.

– Рассказывайте все по порядку, с самого начала, – вмешался в разговор Нежков. – Как вы могли вызвать санитаров, когда Антон затащил вас в дежурку? Криком, по телефону или каким-либо иным образом? Санитары, как я понимаю, были в другом здании и не могли вас услышать.

– А это еще что за дедок здесь права качает? – спросил санитар Ковба, не поднимая головы.

– По-моему, этот дедок лежал у нас на втором отделении. Это, кажется, отец Шитика, которого сынуля сбегнул в нашу психушку, чтобы захватить себе его дом и имущество. Богатенький дедок, – ответил санитар Мазур.

– Прекратите немедленно. Это академик Нежков, – сказала Софья.

– Да? Тогда извиняюсь, – Ковба улыбнулся, показав железный зуб. – У вас, академик, своя работа, а у нас, санитаров, своя. Мы люди необразованные и отличить академика от доходяги не можем. Тем более что вы без халата. Так мы будем делать уколы этим придуркам или нет?

– Я не назначала своим больным инъекций аминазина, – сказала Софья. – Галина Ивановна, идите на свой пост. Александр Петрович, ваша помощь здесь больше не нужна – вы свободны. Ковба и Мазур, вы тоже свободны.

– Инъекции назначил я как ответственный дежурный, – сказал незаметно вошедший в палату Фильчаков.

– Анатолий Иванович, вас срочно вызывает Николай Павлович Соколов. Он передал вам, чтобы вы не предпринимали никаких действий и что он ждет вас в кабинете ответственного дежурного по больнице, – сказала Софья.

– Иду, иду. Этих больных пока не трогайте, – сказал Фильчаков Седовой. – А вы наведите наконец порядок в своем отделении и не устраивайте в нем кружков рисования, – сказал он Софье и вышел из палаты.

– Располагайтесь по своим койкам, успокойтесь и приготовьтесь к осмотру академика Нежкова, – сказала Софья Кошкарову и Вородкину.

Когда больные улеглись на свои койки, Владимир Андреевич надел очки и подошел к койке Кошкарова.

– Что вас беспокоит? – спросил он.

– Меня? – переспросил Кошкаров, потом умолк и уставился на Нежкова.

Нежков открыл было рот, чтобы что-то сказать, но осекся и с удивлением посмотрел на Кошкарова.

Напряженное молчание прервал Кошкаров.

– Вы удивлены, Владимир Андреевич, что я еще жив? Вы за мной сюда приехали? Кто же вам донес, что я здесь?

– Не понимаю, о чем это вы, – Владимир Андреевич отвернулся от Кошкарова и обратился к Софье: – Софья Николаевна, почему вы консультируете своих больных, не показав мне их истории болезни?

– Извините. Сейчас я их принесу. По-моему, истории на сестринском посту.

Как только Софья вышла из палаты, Нежков наклонился к Кошкарову:

– В ваших же интересах сделать вид, что вы меня не знаете.

– Значит, это все-таки вы. А я уж думал, что ошибся. В СССР вы получили звание заслуженного деятеля науки за то, что нормальных людей превращали в ненормальных, а в России за что? За то, что ненормальных превращаете в нормальных? Это намного круче, это уже на шнобелевскую премию тянет.

– Я и раньше говорил, что главный ваш враг – это ваш язык. Давайте договоримся так: вы помалкиваете, а я о вас забываю. Вас выписывают, вы возвращаетесь к себе в Москву и спокойно занимаетесь там живописью. Идет?

– Но вы же приехали сюда не для того, чтобы меня выписывать?

– Не придавайте себе такого большого значения. Я приехал сюда не из-за вас. Я даже не думал, что увижу вас здесь. Вы же... умерли в Корецком. Не будем ворошить прошлое. Времена изменились.

– Раз вы приехали сюда, то подчищаете хвосты. В этой больнице, наверное, немало людей, которых вы сослали из Москвы с диагнозом «вялотекущая шизофрения». За этим диагнозом можно спрятать все что угодно и всех кого угодно.

– Не ройтесь в прошлом, Кошкаров. Будущее неизвестно, а прошлое опасно. Можно наткнуться на ржавую невзорвавшуюся мину. Я напишу в вашей истории болезни, что в дальнейшем лечении вы не нуждаетесь, и вас выпишут отсюда. У меня к вам только один вопрос: кто перевел вас сюда из психбольницы в Корецком – Астахов или Ерманович?

– Вы удивитесь, но на ваш звонок из Москвы в корецкую психушку отвечал я, а не доктор Ерманович, которым я представился. Я тогда как раз сидел за столом в ординаторской и пил чай. Я сказал вам, что Кошкаров умер, и вы мне поверили.

– И впустила вас в ординаторскую, конечно же, женщина, которую вы обаяли? Врач или сестра? Вы верны себе, ваш почерк не изменился. Вы опять впутали в свои дела женщину. Помню, там работала психиатром Серафима Вениаминовна Вишнякова. Черноглазая такая. Это она перевела вас сюда?

– Не помню.

– А я сам у нее спрошу. Сейчас позвоню в Корецкое и спрошу.

– Вам придется звонить в Хайфу. Теперь она живет там. Только думаю, что она вас далеко пошлет. Вы же помните ее острый язык.

– И вы ей, конечно же, поплакались в жилетку, рассказали о печальной судьбе непризнанного художника и о том, какую роль в ней сыграл я. Она вас за муки полюбила, а вы ее за сострадание к ним. Вы, как всегда, используете женщин в личных целях.

– А вы в общественных? Групповуху любите?

– Не ерничайте, Кошкарлов. Поймите, что я был всего лишь колесиком в системе, которой вы мешали не столько своими делами, сколько своим языком. И ваше счастье, что эта система расправилась с вами моими руками. Я поступил с вами гуманно – просто сослал вас из Москвы в закрытую психиатрическую больницу, расположенную среди лесов и озер, в экологически чистом месте. Людей с детства учат говорить, а вас надо было учить молчать. И мой вам добрый совет: даже сейчас, при так называемой гласности, научитесь держать язык за зубами, чтобы у вас опять не было неприятностей.

– Не верю своим ушам – передо мной оправдывается сам академик Нежков! Зубчатое колесо машины подавления инакомыслия оправдывается перед тем, кого раскрошило в порошок. Не оправдывайтесь, Владимир Андреевич. Колесо не выбирает, кого крошить. Оно методично, без злости и жалости крошит всех, кого к нему проталкивают другие колеса. Вы часть механизма, который уже насквозь проржавел, но все еще по инерции движется, хватая пустой воздух, песок и тех, кто в нем застрял. Этот механизм пойдет на переплавку, но перед этим наделает еще немало гнусных дел. Мне интересно только, кто меня сдал. Это с подачи Громова-Купцова меня упекали в психушку? – Кошкарлов преобразился. На его щеках появился едва заметный румянец, темные глаза загорелись, губы порозовели.

– А вы неглупый человек, Кошкарлов. И не такой наивный, каким казались. Но вы были не там, не с теми и делали не то. Вам бы вовремя переметнуться к нам, как это сделал Громов-Купцов. Он сдал не только вас. Он сдал всех, кого мог. У него ни к кому не было ни привязанности, ни симпатии. Народ восхищается разоблачителями, обличителями и правдоискателями, но для нормальной работы общественного механизма нужны молчаливые, послушные и как бы ничего не замечающие исполнители. Именно на них и держится любая система, включая творческие союзы, в одном из которых состояли и вы. Чтобы сделать карьеру, надо быть частью чего-то, а не чем-то или кем-то. Понимаете? О камень на ровном месте спотыкаются, а по ровно уложенным камням, то есть по дороге, ходят не падая и не ушибаясь. Разве это трудно понять? Громов-Купцов получил орден «За заслуги перед Отечеством» из рук самого Бориса Николаевича. Громов-Купцов и при демократах остался живым классиком. Портреты, написанные им, попали в учебники и справочники. Его трогать никому нельзя! Забудьте о том, что он писал портреты с фотографий и позаимствовал у вас несколько удачных сюжетов. Победителей не судят. Пушкин тоже не стеснялся брать чужие сюжеты и делать из них шедевры, «Маленькие трагедии» например. Забудьте про свои обличения и разоблачения и молча пишите портреты тех, кто еще будет вам позировать. Работайте и не путайтесь ни у кого под ногами. Времена чемоданов с компроматами прошли. Тихо сидите в своей норке и потихоньку тащите в нее заработанные зернышки, крошки и копеечки. Вот так-то! Вам и делать-то много не надо: вам просто надо знать свое место и никуда не соваться!

– Владимир Андреевич, у меня уже нет ни сил, ни желания кому-то что-либо доказывать, кого-либо изобличать и с кем-либо бороться. Хочется покоя, холста и красок. Так когда меня выпишут из этой богадельни?

– Завтра-послезавтра. Давайте разойдемся тихо и по-хорошему, как умные люди.

– Давайте.

В палату вернулась Софья Николаевна.

– Вот, я нашла истории болезней Кошкарлова и Вородкина.

– А я вас уже заждался. Странно, что лечащий врач не знает, где находятся истории болезни его больных, и вынужден их искать. Одного больного я посмотрел, а второй больной спит, так что будить его не будем. Пусть отдохнет. Посмотрю его завтра. А сейчас я запишу в историю болезни больного... э-э-э... как его фамилия?

– Кошкарлов.

– Да, да. Я запишу свое заключение о состоянии психики больного Кошкарлова и о ваших дальнейших действиях. Пойдемте в ординаторскую.

Софья провела Владимира Андреевича в бывшую ординаторскую.

– А где остальные врачи вашего отделения? – посмотрев на пустые столы, спросил он.

– Я работаю здесь одна. Готовлю больных к выписке и переводу в другие отделения. А это отделение освобождается для ремонта.

Нежков расположился за столом у окна.

– И кого же вы предполагаете выписать?

– Кошкарлова и Вородкина.

– Вот как! Пригласите сюда главврача Соколова. Этот вопрос мы обсудим с ним.

Владимир Андреевич достал из кармана пиджака ручку с золотым пером и стал что-то писать в истории болезни Кошкарлова.

Софья набрала номер телефона дежурного по больнице. Фильчаков поднял трубку.

– Анатолий Иванович, передайте, пожалуйста, Николаю Павловичу, что его приглашает к себе академик Нежков. Он в моем кабинете.

– Сейчас.

Владимир Андреевич продолжал что-то писать убогим почерком в истории болезни Кошкарлова. Когда в кабинет вошел Соколов, Нежков все еще писал.

– Вы меня вызывали, Владимир Андреевич?

– Вызывал, уважаемый Николай Павлович, для того чтобы поговорить с вами о больном Кошкарлове в узком кругу – вы, я и его лечащий врач. О его выписке не может быть и речи, потому что я опасаясь не только за его психику, но и за его здоровье в целом и даже за его жизнь. Ваша молодая и, я бы сказал, талантливая ученица Софья Николаевна Валко из лучших побуждений проводила с ним сеансы гештальт-терапии, чередуя их с психоанализом и арт-терапией. Но благими намерениями, как известно, выстлана дорога в ад. Очаровательная Софья Николаевна переборщила. С молодыми врачами это бывает. Даже талант не заменит опыта. Она перегрузила ослабленную психику больного Кошкарлова, и его нервная система истощилась до того уровня, за которым – суицид и смерть. Да, да, я не оговорился. Такие случаи в моей практике уже бывали, и не раз. Кстати, этот клинический случай послужит неплохим и весьма поучительным материалом для научной статьи в журнале, главным редактором которого я являюсь. Написать научную статью я вам помогу, Софья Николаевна. Настоящий психиатр должен уметь анализировать свою работу и писать научные статьи. Художник Кошкарлов, страдающий психическим заболеванием, несколько лет не бравший в руку простого карандаша, вдруг дорвался до кисти и пастели и перегрузил свою психику, и без этого расшатанную гештальт-терапией. У Кошкарлова начался бред, в котором воспоминания, догадки, предположения и страхи смешались с искаженной действительностью. Дошло до смешного, – Владимир Андреевич раскрыл свой капканобразный рот и рассмеялся, – Кошкарлов вдруг «узнал» меня, хотя, конечно же, никогда не видел, и стал даже в чем-то обвинять. Я, правда, не понял, в чем именно. Седативные средства, психотропные препараты, мощные снотворные – вот что ему для начала нужно. Он находится между двух огней: с одной стороны, лавинообразно начавшееся обострение болезни, с другой – ослабленный организм, который может не выдержать необходимой терапии. Образуется замкнутый порочный круг, когда одно действие усиливает другое. И возможен любой исход, даже летальный.

– Владимир Андреевич, за то, что вы указали нам на наши ошибки, большое спасибо, – сказал Николай Павлович. – Мы их, конечно же, учтем. Но думаю, что и трагедии из этого делать не надо. Выпишем Кошкарлова на амбулаторное наблюдение по месту жительства. Пусть там, в Москве, им и займутся. Там и возможностей побольше, чем у нас. Из Москвы пришел то ли приказ, то ли совет: всех больных, страдающих вялотекущей шизофренией, выписывать под наблюдение участкового врача по месту жительства для уточнения их истинного диагноза. Выпишем этих двух москвичей, и, как говорится, баба с воза – коням легче. А?

Нежков поднялся, распрямив свою костистую фигуру.

– Об этом мы с тобой поговорим по дороге домой. Не будем мешать Софье Николаевне дежурить. Вы, Софья Николаевна, не обижайтесь на мое старческое ворчание. Учитесь, слушайте, что говорят старшие, и набирайтесь собственного опыта. А сейчас идите к ответственному дежурному по больнице. Он наверняка вас уже заждался. Убежден, что из вас получится толковый врач. А от ошибок никто не застрахован. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. На ошибках учатся.

– А как же мне быть с Кошкарковым? – вырвалось у Софьи.

– Между нами говоря, Софья Николаевна, он уже не жилец на этом свете. Поверьте мне, старому и опытному врачу. Я же не всегда был академиком. Более десяти лет я проработал на периферии и такого посмотрелся, что ни в одном учебнике не прочитаешь. Опыт, опыт и еще раз опыт – вот что надо истинному психиатру. Как говаривал мой наставник, учитесь не у книг, а у больных: они расскажут вам о болезни больше любого учебника. А на больного Кошкарлова я бы на вашем месте начал писать посмертный эпикриз. Вы, наверное, еще ни одного посмертного эпикриза не писали? Вот и поучитесь! Это тоже надо уметь!

Софья вышла из своего кабинета. Тяжелый взгляд академика Нежкова словно выталкивал ее из двери.

Глава 4. Побег

Когда Софья вошла в кабинет ответственного дежурного по больнице, тот смотрел телевизор сидя на диване, протертом до ниток седалищами нескольких поколений психиатров.

– Анатолий Иванович, разрешите мне еще раз сходить на седьмое отделение и посмотреть, как себя чувствуют мои больные.

– Почему же вы не думали о своих больных раньше, когда проводили им сеансы гештальт-терапии? Ее нет в перечне лечебных процедур министерства здравоохранения, рекомендованных для лечения вялотекущей шизофрении.

– В этом перечне скоро не будет и самой вялотекущей шизофрении. Я хочу еще раз осмотреть своих больных и откорректировать их лечение.

– Но согласуя его со мной – с ответственным дежурным по больнице.

– Тогда нужна будет ваша подпись под назначениями, чтобы было ясно, от чего именно изменилось состояние больного в ту или иную сторону.

– А вы, оказывается, крючоквор и перестраховщица! Никогда бы не подумал такого о молодом враче. Перестраховщиками становятся намного позже, с появлением отрицательного опыта, – Фильчаков выпятил нижнюю губу и укоризненно покачал головой. – Всего в параграфы и пункты не впишешь и не втиснешь! Главное лекарство для больного – это сочувствие, доброта и внимание врача. Ладно, экспериментируйте на своих больных, как на кроликах, и назначайте им лечение сами, раз уж вы такая самостоятельная. Хм! У вас редкое сочетание бесшабашности с прагматичностью и холодным канцелярским расчетом. Психологи говорят, что бесшабашность приводит к психологическому срыву, а холодный расчет переходит в цинизм. Перед вами открывается прекрасная перспектива – стать циником с сорванной психикой! А где же ваш молодой порыв, где стремление помочь больному, жертвуя собой, где отчаянность и бескомпромиссность? Их нет! Они остались в нашем поколении, которое, недосыпая ночей, питаясь всухомятку, неделями не видя семьи, разработало для вас лечебные методики, их испытало и преподнесло вам на блюдечке, мол, берите, пользуйтесь, применяйте! Скажу вам как коллега коллеге, как психиатр психиатру, что наше поколение все свое время тратило на больных, отрывая его от так называемых радостей, удовольствий и наслаждений. Мы думали над судьбами больных в ущерб собственной судьбе. Мы отдавали все свои силы, чтобы вернуть больных к полноценной жизни, ибо чем больше отдаешь, тем больше получаешь! А что оставите следующему поколению вы, молодые? Наши подписи под назначениями вашим больным? Чтобы построить здание, нужен крепкий фундамент. Этот фундамент знаний и опыта заложили мы, ваши наставники. Вы же сомневаетесь в его прочности и строите свое здание на песке. Ливень действительности размочит песок, и хлипкое здание, построенное на нем, обрушится и погребет вас под своими обломками. Берегитесь! Не окажитесь среди руин!

Софья заметила, что самую простую мысль Фильчаков, бывший парторг больницы, топил в словесном потоке, приправленном пионерскими лозунгами и прописными истинами. «Сочетание демагогии, ограниченности и детской наивности», – определила Софья умственный уровень Фильчакова.

– С вашего разрешения я все-таки схожу на свое отделение.

– Идите, идите, исправляйте свои ошибки, – Фильчаков укоризненно покачал головой и обреченно махнул рукой, – а я пока новости по телевизору посмотрю. Узнаю, что еще демократичного произошло в нашей стране, что еще ценного мы приобрели кроме молодых специалистов, ловящих нас на каждом слове.

Софья направилась к своему отделению.

Седова спала на кровати в дежурке и, когда Софья проходила мимо, всхрапнула и повернулась на другой бок.

Софья открыла ключом дверь в палату № 2. Кошкаров и Вородкин спали.

– Поднимайтесь, вам надо отсюда уходить! – сказала Софья каждому из них на ухо.

В дверь кто-то осторожно постучал. Софья подошла к двери и спросила:

– Кто там?

– Это я, Виталий, – тихо ответил молодой голос.

– Виталий? Тебе чего?

– Я все знаю и хочу вам помочь. Я давно помогаю этим двум москвичам, а они делятся со мной своими бедами.

– Мне не нужна твоя помощь.

– Нужна, нужна. Вы одна не справитесь.

Виталий, фельдшер приемного покоя Добываловской психушки, начал ухаживать за Софьей в тот же день, когда она появилась в больнице. Он постоянно дарил ей цветы, а как-то пришел к ней домой и прочитал свое стихотворение о неразделенной любви. Софья достала из холодильника бутылку коньяка, и они с Виталием ее выпили. Это его удивило. Еще больше его удивило то, что она молча взяла его за руку и повела в спальню. Потом она узнала, что он не пропускает ни одной новой юбки, появившейся в больнице. При случае она сказала ему, чтобы он забыл о ее минутной женской слабости. Он тихо ей ответил, что с главврачом ее слабость длится намного дольше, и получил звонкую оплеуху.

Они старались не попадаться друг другу на глаза, а при встречах сухо здоровались.

Софья открыла дверь ипустила Виталия в палату.

– Вы хотите устроить им побег, – Виталий показал пальцем на койки, где лежали Кошкаров и Вородкин. – Не бежать им надо, а утопиться в озере и спрятать концы в воду!

– Что?!

– Вы меня неправильно поняли, Софья Николаевна. Мы просто оставим на берегу Добываловского озера их одежду и прощальную записку. А потом спрячем их куда-нибудь, пока о них не забудут.

Кашкаров и Вородкин поднялись с постелей.

– Проснулись? – спросила Софья. – А теперь скажите, кто из вас знает академика Владимира Андреевича Нежкова?

– Я лежал у него на обследовании в московском Институте психоневрологии. После трех месяцев осмотров неврологов, психиатров, электроэнцефалограмм, рентгенограмм черепа и позвоночника мне поставили диагноз «вялотекущая шизофрения» и направили лечиться в закрытую психиатрическую больницу в Корецкое. На моем направлении стояла литера «Д». В Корецком больница покруче этой, и, если бы не доктор Вишнякова, я бы там пропал. Вишнякова сказала мне, что литера «Д» означает «диссидент» и с этим клеймом выбраться из психушки невозможно. Она перевела меня в Добывалово, чтобы мой след потерялся. Сегодня Нежков узнал меня, но мы с ним нормально поговорили, и он обещал завтра же выписать меня из больницы.

– Сейчас вам надо отсюда бежать.

– Почему?

– Нежков поручил мне написать на вас посмертный эпикриз. Вы обречены.

– Куда же мы побежим?

– Для начала вы поживете у меня, а потом мы что-нибудь придумаем.

– Нет, нет, – возразил Виталий. – Жить вы будете в пустующем доме моего деда в деревушке Яблонька. Это недалеко отсюда – пешком дойдем. Чтобы вас приняли за сезонных рабочих, начнете чинить крышу этого дома – она здорово прохудилась, стены утеплите, смените электропроводку, зимний туалет оборудуете. Отпустите бороды, загорите и приживетесь в этой деревне как свои. В этой деревне всего две старухи живут, остальные либо умерли, либо разъехались.

– Кошкаров – художник, а Вородкин – поэт, вряд ли они умеют работать топором и пилой.

– Научатся, это дело нехитрое. Трудотерапия восстановит им психику лучше любого лекарства. Их, как уопленников, среди живых искать не станут. Раз вы поэт, то и напишите прощальное письмо, – обратился он к Вородкину. – Мол, мы с другом устали от жизни, не видим в ней смысла и не хотим больше мучиться. Прощайте и простите. Придумайте что-нибудь пожалостней, так чтобы слезу прошибало.

Вородкин достал бумагу и шариковую ручку, спрятанные в ножке кровати, и, стоя на коленях, стал писать на табуретке. Писал он медленно, обдумывая каждое слово.

– Вот и все, – протянул он Виталию листок.

Виталий прочитал прощальную записку и уважительно покачал головой:

– Сильно написано, я и сам чуть не расплакался. А теперь нам пора.

Они вышли из палаты.

– Идите вперед, – сказал Виталий Софье. – Я сейчас.

Он бесшумно проскользнул в дежурку и вернулся оттуда с ключами, которые вытащил из кармана спящей медсестры Седовой. Осторожно, на цыпочках они прошли к входной двери, Виталий открыл ее ключом, и все вышли на улицу. Виталий снова закрыл дверь, и беглецы растворились в темноте.

Глава 5. Пустующий дом

Пустующий дом в деревушке Яблонька находился на берегу озера, у мелководья, поросшего камышом.

Они вошли в пятистенку, и Виталий зажег свечу.

– Раздевайтесь догола, – сказал он Кашкарову и Вородкину. – Оденетесь вот в это, – он достал из скрипучего славянского шкафа старую одежду и бросил ее на пол.

Пока Антон и Алексей подбирали себе одежду, он взял их больничное облачение, прощальную записку и пошел по берегу в сторону психбольницы. В зарослях, подходящих к самой воде, он бросил одежду беглецов на землю, а их прощальную записку придавил к камню ключами, украденными у Седовой.

Возвращаясь к дому, Виталий услышал голос Алексея Вородкина.

– Софья Николаевна, пожалуйста, я вас очень прошу, отведите меня обратно в больничную палату. Я не дописал цикл баллад. Они спрятаны под линолеумом в углу.

– Вашей психике нужны только малые формы – эпиграммы и четверостишия, в крайнем случае – басни, а поэмы ее разрушают, – ответила Софья. – Вы заметили, что все авторы поэмы немного не в себе?

– Сейчас я затоплю плитку, – сказал вошедший в дом Виталий, – мы с вами попьем горячего чая с малиной и ляжем спать. А вы, Софья Николаевна, идите в больницу. Вы дежурный врач, и вам надо быть на рабочем месте.

Софья пошла в больницу. Кабинет ответственного дежурного был пуст. Софья прилегла на диване в комнате отдыха и незаметно для себя уснула.

Ее разбудил телефонный звонок. Софья взяла трубку и посмотрела в окно. Светало.

– Вас беспокоит медсестра Седова. В дверь седьмого отделения стучится фельдшер Изеринский, но я не могу ему открыть, потому что у меня пропали ключи. Придите, пожалуйста, и откройте ему дверь своим ключом.

– Хорошо, я сейчас.

Софья поднялась с дивана. Из комнаты отдыха она прошла в кабинет дежурного врача. На столе лежала записка:

«Софья Николаевна! Вы спали, и я не хотел вас будить. Отдохните. Я сделаю обход больницы один. Отв. деж. Анатолий Фильчаков».

Софья пошла к седьмому отделению. У входных дверей стоял фельдшер Изеринский. На нем был белый халат с закатанными по локоть рукавами, руки с вздутыми венами цепко держали контейнер со шприцами и ампулами.

Изеринский улыбнулся, блеснув железной фиксой.

– Доброе утро, Софья Николаевна. Галка Седова куда-то ключи подевала, так что пришлось вас будить. Вы уж простите ее, непутевую.

– А вы зачем сюда пришли? – спросила Софья.

– Как это зачем? Уколы вашим буйным больным делать, по распоряжению самого академика. Должен заметить, что в академике чувствуется настоящая армейская хватка, думаю, что званием он не ниже полковника. Очень твердый мужчина, хоть и стар. Но, как говорится, старый конь борозды не портит. Он мне очень напоминает генерала Юрия Петровича Кукурузу, который лежал у нас на третьем отделении. Тот, бывало, выйдет из своей палаты в коридор и начинает командовать медсестрами и санитарками: «Смирно! На месте шагом марш! Направо! Прямо! Налево! Ложись! Упал, отжался! Встал! Упал, отжался!»

– А какие препараты назначил академик моим больным?

– Кошкарову – коголог с аминазином, а Вородкину – просто аминазин. Говорит, что в самой Москве так психов лечут.

«Через два-три часа после укола аминазина с когологом сердце останавливается, словно от приступа стенокардии, – подумала Софья, открыла дверь своим ключом, и они вошли в седьмое отделение. «А потом я напишу посмертный эпиграмм спрячу концы в воду»

Из темноты появился Фильчаков и вошел в отделение вслед за ними.

У двери стояла Галина Седова. Ее полуседые волосы были взлохмачены, выцветшие глаза провалились в глазницы, помада на губах – съедена.

– Даже не знаю, куда подевались мои ключи. Они у меня всегда в застегнутом кармашке юбки лежали.

– Как себя ведут буйные больные? – спросил Фильчаков, словно не расслышав оправданий Седовой. – Вы за ними наблюдали?

– Ведут себя тихо. Спят, наверное.

– Наверное! Точно вы, конечно же, не знаете. Вот сейчас мы и посмотрим на творческий союз сумасшедшего художника с умалишенным поэтом!

Фильчаков решительно пошел ко второй палате. Все пошли вслед за ним.

– Открывайте, – сказал Фильчаков Софье.

– Пусть поспят, я к ним утром зайду. Не надо их будить.

– Уже утро. Открывайте!

Софья открыла дверь.

Палата была пустой. Все уставились на аккуратно застеленные койки.

– Как это понимать, Софья Николаевна? Где вверенные вам больные? – спросил Фильчаков.

– Меня здесь с утра не было. Как вы знаете, я сегодня дежурю по больнице. На отделении была только медсестра Седова.

– Галина Ивановна, вы слышали какой-нибудь шум? Не могли же буйные больные исчезнуть беззвучно.

– А чего тут гадать? – заговорил Изеринский. – По-моему, тут усё ясно. Когда Галина делала укол одному буйному, другой буйный под шумок вытащил у ней из кармана ключи. Она впопыхах этого даже не ощутила. Видать, он бывший фармацевт, в смысле щипач, ну этот, который по карманам шастает. Мы тут таких, как он, видали-перевидали. Хоть он и псих, а прежнюю профессию не забыл. Недаром говорят, что талант не пропьешь. Надо этих чудиков вокруг больницы пристально поискать, далеко они уйти не могли. Ночью автобусы не ходят. Думаю, что они где-нибудь у кустов прячутся, а утром на восьмичасовом автобусе постараются смыться, чтобы улизнуть, а потом исчезнуть и пропасть. Помню, у нас у армии тоже один случай, – он сделал ударение на втором слоге, – был – пропал замполит полка, так мы его у жены полковника прямо у теплой койке нашли. Что было – словами не опишешь! Этот самый полковник Рясновский достает из кобуры...

– Александр Петрович, об этом вы расскажете нам в другой раз, – перебил его Фильчаков, – а сейчас мы пойдем искать беглецов.

– Разрешите мне, как человеку, служившему у армии фельдшером у звании старшины и повидавшему не только учения, но и боевые действия, организовать поимку беглых больных. Для начала надо мобилизовать санитаров и фельдшеров у количестве не менее шести человек и каждому обозначить сектор поиска. Как нас учит боевой опыт, меньше шести секторов эффекта не дают, но и большее количество этих самых секторов нецелесообразно, потому что поисковики начнут путаться друг у друга под ногами и мелькать перед глазами, заслоня обзор поиска. Сектора, соприкасающиеся друг с другом радиусами, уходят у пространство, окружающее больницу, на расстояние, увеличивающееся по мере поиска беглецов до тех пор, пока мы их не обнаружим и не обезвредим. Согласно двенадцатому пункту устава, так ведется поиск объекта, перемещающегося по пересеченной местности у неизвестном направлении вне зоны видимости и вне зоны досягаемости. Устав и будет служить нам руководством к дей-

ствию, потому что он, несмотря на краткость, охватывает все стороны не только армейской, но и гражданской жизни. Анатолий Иванович, вы как ответственный дежурный по больнице, я бы даже сказал, ночной главврач, силой убеждения, а если потребуется, то и принуждения, в смысле – приказа, соберите санитаров на исходной позиции у седьмого отделения, руководимого доктором Валко Софией Николаевной, ее воинского звания не знаю.

– Раз уж вы вызвались организовать поиск беглецов, то сами пройдите по больнице и отберите толковых санитаров и фельдшеров. Только Мишку Березняка не брать: он слишком туп и умудряется развалить любое дело в самом начале. Кроме того, Березняк слишком высок и будет издали заметен, словно каланча. Ему бы только в волейбол играть. И скажу вам откровенно, что его писклявый бабский голосок, которым он постоянно повторяет «более не менее», меня раздражает.

Фельдшер Изеринский пошел к корпусам больницы отбирать команду для поиска беглецов.

Через два часа отобранные им санитары и фельдшеры стояли у седьмого отделения. Среди них особо угрюмым видом выделялись Стас Мазур, Николай Ковба и Юрий Портнов. Фельдшер Виталий Литвак стоял в сторонке.

Изеринский с легким матерком, как и положено старшине запаса, объяснил санитарам и фельдшерам обстановку и определил каждому из них сектор поиска.

– Я в этих секторах не очень-то понимаю, ты мне лучше по-простому скажи, от чего и до чего мне искать бежавших психов. Скажем, от этого дерева вон до той калитки, – сказал Изеринскому Стас Мазур, не отличавшийся развитым пространственным воображением.

Изеринский подошел к нему и что-то тихо прошептал, щекотно дыша в самое ухо.

– Нет, нет, не надо, я и так все понял, – ответил Мазур и вприпрыжку побежал к своему сектору поиска, поблескивая потной лысиной.

Нежков, Соколов, Фильчаков и Софья расположились в кабинете врача седьмого отделения у зарешеченного окна, выходящего на озеро.

– Вялотекущая шизофрения может обостриться от любого, даже незначительного фактора, поэтому с такими больными всегда надо быть начеку, – начал свой обычный словесный понос Фильчаков. – То, что у нормального человека вызовет лишь легкую улыбку, у вялотекущего шизофреника может вызвать бурю реактивных отклонений, которые можно разделить на неврозы и психозы. Грань между ними настолько хрупка, что...

Высоконаучные рассуждения Анатолия Ивановича прервал стук в окно. Все повернули к нему головы.

Сплющив о стекло нос и губы, в окно смотрел фельдшер Александр Петрович Изеринский.

– Они утопили у водах Добываловского озера! – прокричал он. По его лицу стекал пот с кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.